

Протоиерей Михаил Дронов

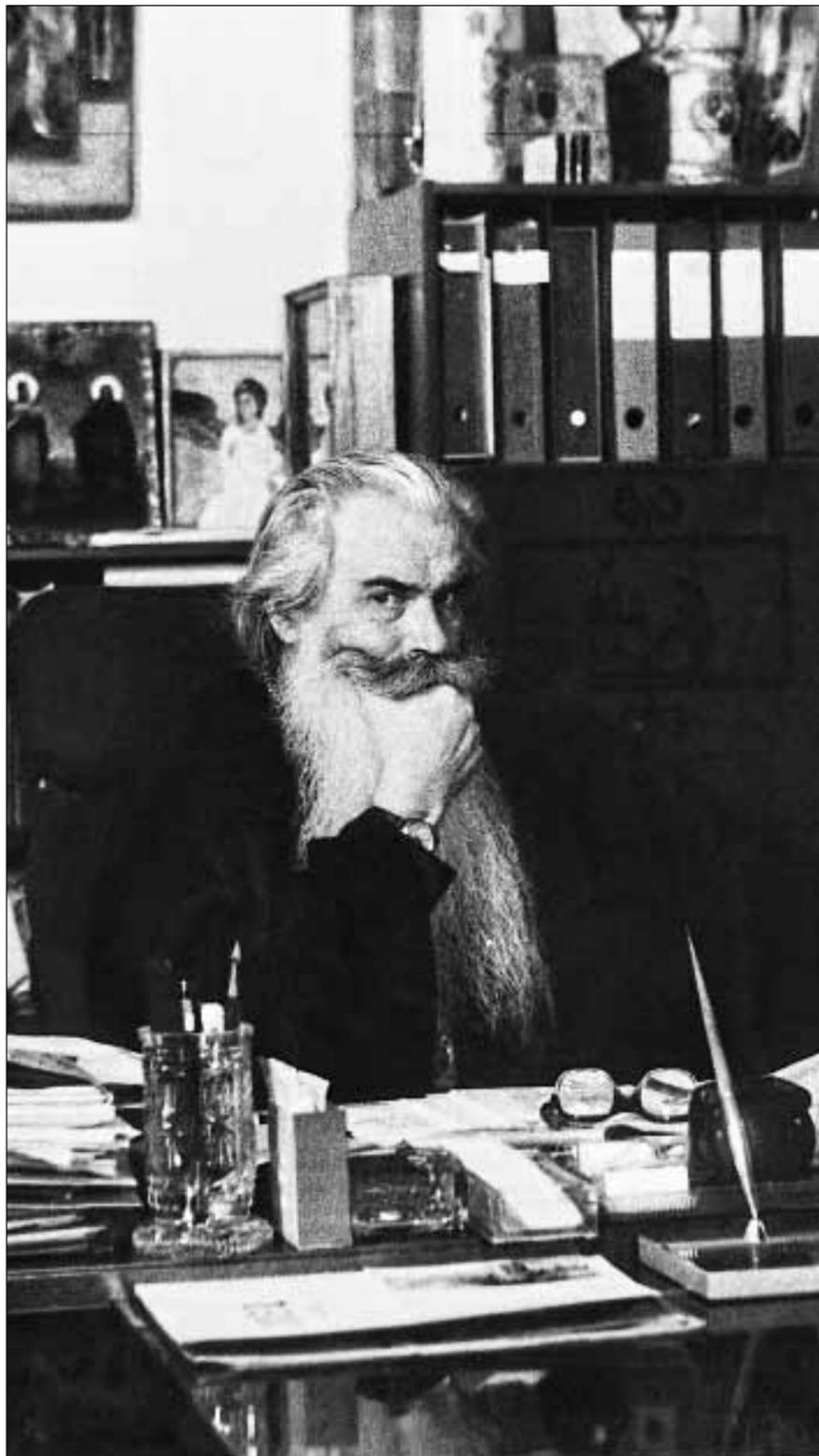
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Мы продолжаем публикацию материалов, посвященных 80-летию «Журнала Московской Патриархии». Почти 33 года его главным редактором был митрополит Питирим (Нечаев). Редакция была для Церкви настоящей «кузницей кадров» в эти годы. Об этом вспоминает один из воспитанников владыки.

«Неформатный» священнослужитель

Первое знакомство с владыкой Питиримом, тогда еще архиепископом, оказалась «односторонним». В Московской духовной семинарии вновь поступившие приступали к занятиям не сразу 1 сентября, а лишь прослушав вступительные лекции лучших профессоров. Позже я узнал, что этот порядок был заведен именно архимандритом Питиримом, когда он в 1959 году стал инспектором Московских духовных школ. А в 1978-м праздник «первоклашек» длился дней десять, и где-то вначале, пока погода была еще теплая, состоялась паломническая поездка по московским храмам. После десятка остановок ближе к вечеру группа почти в 150 человек на экскурсионных автобусах подтянулась к Новодевичьему монастырю. Там прямо в трапезном

храме семинаристов ожидали бутерброды и горячий чай, которым угощали сотрудницы редакции «Журнала Московской Патриархии». Редакция тогда занимала тесные помещения при этом храме и на территории монастыря, но владыки на месте не было.

Когда семинаристы уже потянулись через монастырские ворота обратно к автобусам, они и повстречались с гостеприимным хозяином. Я увидел владыку, уже окруженного толпой молодых людей в черных семинарских кителях. Кто-то предложил сфотографироваться. Озорно оглянувшись, владыка резво ступил на склон у крепостных стен. Желаящих запечатлеться с ним всё прибывало. Это еще больше развеселило владыку, он ребячливо перешагнул повыше, чтобы вся толпа уместилась вокруг него. Так вот он какой, владыка Питирим! Смеющиеся добрые глаза на тонком благородном лице, длинная, тогда еще не совсем седая борода. Его веселость не была безмятежной. Чувствовалось, что этот человек всему знает цену.

Атеизм в те годы был официальной идеологией. «Нормальные» советские граждане поглядывали на «боговерующих» в лучшем случае как на уличных в чем-то неприличном, о чем можно говорить лишь лукаво подмигивая. Для представителей партийно-государственной власти верующие были пережитком дореволюционного прошлого, не совместимым с коммунистическим будущим. Тогда общение властей с верующими проходило в диапазоне от откровенно насмешливого тона до неприкрытой враждебности.

Всё это оставляло на духовенстве неизгладимую печать мученичества и обреченности. Во всяком случае мы, вновь поступившие семинаристы, очень походили на «ежиков», в любой момент готовых ощетиниться. Это через две-три недели студенческая группа превратилась в настоящее братство.

Каждый семинарист наконец ощутил себя среди своих, вдали от агрессии и насмешек. Но первого сентября мы все были еще одиночками, «религиозными фанатиками», привыкшими выстаивать идеологический натиск.

Как не похож был архиепископ Питирим на священнослужителя советской формации! Не было суровости, прикрывающей страх быть униженным. Вместо этого — сознание власти. Но выражалось оно не в превосходстве, а в готовности по-отечески покровительствовать каждому. Чувствовалось, что это осознанно избранное им оружие в борьбе с системой и что в его руках оно непобедимо.

Журнал моего детства

С детства помню журналы, тогда еще с желтоватыми обложками. Они казались такими же ветхими, как и церковные книги в кабинете отца. И были неотделимы от всего священного в доме: от икон и старинных литографий с видами Афона и Киево-Печерской лавры, от вытершейся сумки, наспех сшитой из пурпурного плюша, которую отец всегда клал в свой саквояж, когда шел на требы. В ней было небольшое старинное Евангелие, потемневшее медное кадило, кропило, свечи. На письменном столе требная сумка соседствовала с пишущей машинкой. Там же, на толстом зеленоватом стекле, закрывавшем всю поверхность стола, всегда можно была увидеть ровную стопку журналов. Ими была заполнена и верхняя полка в книжном шкафу отца.

Мне нравилось рассматривать витиеватую славянскую «Ж», похожую на веселого жука, правда, в те времена дальше начальной буквы я еще не продвинулся. Дома часто произносились слова «редакция», «академия», «владыка Питирим», «Загорск». Уже в шести-, семилетнем возрасте я хорошо понимал, что буква «Ж» и бледные

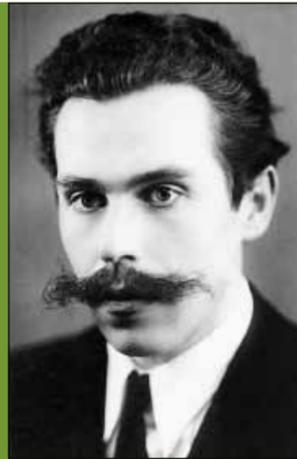
линии на обложке (это позже обложка стала синей с белыми буквами) неразрывно связаны с этими словами. Связаны они и с фотографией, которая хотя не была заведена в рамку, но занимала почетное место среди бумаг и вещей в отцовском кабинете. С нее ясно смотрели широко открытые глаза, черные подкрученные усы оттеняла едва пробивавшаяся седина в длинной молодой бороде. Много позже, рассматривая эту фотографию, я отметил, что владыка Питирим запечатлен еще архимандритом — вместо панагии на нем крест. От его взгляда веяло решимостью, чистотой, умом и молодостью. Видимо, в самом начале 60-х эту фотографию он подарил моему отцу. А уже в 1963 году он стал епископом.

Всё вместе это соединялось еще с одним именем, довольно часто и всегда с особой теплотой произносимым родителями. Батюшка Севастиан, или просто Караганда, карагандинские. Именно в Караганде мой отец, выпускник семинарии, на всю жизнь подружился с инспектором Духовной академии в Загорске (о Сергиевом Посаде тогда и не вспоминали) архимандритом Питиримом, ставшим позже главным редактором «Журнала Московской Патриархии» и председателем Издательского отдела.

Отец часто бывал в Москве и брал меня с собой. Он обязательно посещал друзей-одноклассников, оставшихся преподавать в академии в Троице-Сергиевой лавре, и всегда заходил в Новодевичий монастырь в редакцию ЖМП. Когда он удалялся в кабинет к владыке Питириму, я ожидал его в крошечном коридоре, погруженном в полумрак. Самое примечательное, что осталось у меня в памяти, — это высокие стоячие часы при входе. Они отбивали время низким глубоким боем. Спустя полтора десятка лет уже на Погодинке каждый день я спешил на работу мимо этих часов. Несмотря на частые посещения

Костя Нечаев. 1920-е гг.

Константин Нечаев. Конец 40-х гг.

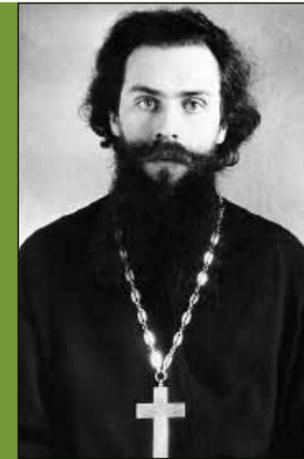
С Алексеем Сорокиным и Иваном Остаповым. Одесса. 1950 г.

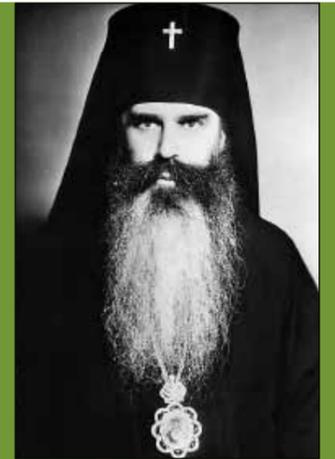
1952 г.

1952 г.

Свящ. Константин Нечаев. 1954 г.

Архиепископ Питирим. 1972 г.

редакции в детстве, до семинарии владыку Питирима я видел лишь на подслеповатых фотографиях в журнале.

Первый редсовет

Впечатления от первого редсовета, на котором я присутствовал, не изгладило даже время. Редакционный совет — это один из основных инструментов в руках главного редактора. Владыка Питирим раз в месяц проводил редсоветы по текущему номеру журнала. Казалось бы, что тут особенного — обсудить статьи с сотрудниками, отвечающими за их подготовку, одобрить, отправить на доработку и так далее. Но редсоветы, как и всё, к чему прикасался владыка, он превращал в праздник, в событие для тех, кто в них участвовал.

Разумеется, значение здесь имеет и путь, приведший меня на эти редакционные заседания. Второй год я учился в семинарии. Владыке обо мне рассказал карагандинский студент Иван Сирота, уже год как ставший его ризничным. В сводчатом коридоре академического корпуса на перемене среди двигающейся на полдник толпы семинаристов Иван подвел меня к владыке. Я не ожидал, что архиепископ обратится ко мне так запросто, на равных. Не ожидал также, что речь пойдет не просто об иподиаконстве, а о сотрудничестве.

Конечно, сотрудничество молодых людей в редакции начиналось с простой работы. Поначалу параллельно с иподиаконским прислуживанием владыке Питириму на богослужениях я был приписан к «экспедиции», где приходилось упаковывать журналы в пакеты и большими партиями отвозить с водителем на почтамт. А через пару месяцев меня уже включили в список приглашенных на редсовет в кабинет владыки.

Не помню уже, о чем шла речь, но владыка говорил красивыми фраза-

1955 г.

ми, легко подыскивая нужные слова. Поразили меня тогда его интонации. Где в советское время он мог почерпнуть эту манеру? Скорей всего, у Патриарха Алексия I, потомственного дворянина, у которого владыка в молодости был иподиаконом и личным секретарем. Владыка говорил как бы сквозь улыбку, но это не было ни иронией, ни даже самоиронией. Он сдерживал свой мужественный голос, как будто разговаривал с детьми. Не было это и снисхождением, владыка всегда со всеми говорил на равных. Улыбка в голосе — это для поддержки, это сигнал, что мы здесь все делаем общее дело. Его манера говорить была столь чистой, что напоминала речь диктора советского радио, с той лишь разницей, что речь его не была сухой и эмоционально обесцвеченной.

Это была его особенность: прежде чем что-либо сказать, он как бы заглядывал в себя, сам удивлялся своим ощущениям и с осторожной сдержанностью передавал их слушателям. Но красоту того, что он увидел, скрыть было невозможно! Кажется, я тогда подумал: такого просто не бывает!

Не раз еще мне пришлось участвовать в редсоветах, которые проводил владыка. Правда, с переездом в новое здание на Погодинке владыка стал всё реже появляться на редакционных со-

вещаниях. Проводил их обычно кто-нибудь из его многочисленных заместителей или помощников.

Набор сотрудников

Помню владыку Питирима в старом актовом зале Московской академии. Он в лучах сентябрьского полуденного солнца, льющегося из глубоких окон старинных палат. Вновь поступившим семинаристам владыка рассказывал об Издательском отделе, который возглавлял. Студентам он дал понять, что заинтересован в сотрудниках. «Кто поумнее, тот от меня бежит, — закончил он, — но не самые умные». Значит, «самые умные» всё же остаются, это к ним владыка приглашал присоединиться.

Что считать признаком ума, разумеется, спорный вопрос, хотя тогда я себе его не задавал. Вскоре в редакции среди творческих работников я встретил очень разных людей, «не убежавших» от владыки. У всех было что-то общее. Теперь, спустя три десятка лет, мне легче охарактеризовать, что же это было. Все редакторы и младшие сотрудники, именовавшиеся по тогдашней церковной номенклатуре «референтами», были фанатично преданы работе. Тогда и я сразу понял, что такой работы не найти больше нигде в огромном Советском Союзе. Только здесь творческий поиск, дерзкие исследовательские

проекты, масштабные издательские задачи могли быть открыто и легально посвящены служению Богу. Именно это более всего ценили сотрудники редакции.

Творческую атмосферу создавал именно владыка, даже если не во всех проектах участвовал непосредственно. Если помощники видели его поддержку, у них вырастали крылья. Его понимание цели воспринималось как задание Церкви. Надо отметить, что он никогда не ограничивал ничье творчество. Следует, конечно, иметь в виду и то, что тогда ускользнуло от моего понимания. Каждого из сотрудников, пришел ли он сам, или его нашел владыка, пригласил он лично, как когда-то и меня. Каждый ощущал, что с владыкой у него особые отношения. Каждого он ценил за личные деловые качества и был озабочен его развитием.

Патриарх Пимен часто посылал своего викарного архиепископа в различные московские храмы возглавить службу в престольные дни. За всенощной владыка всегда сам помазывал молящихся и иногда заговаривал с незнакомыми людьми, которых почему-то выделял из толпы. Однажды в Николо-Хамовническом храме в центре Москвы он показал мне одного молодого человека, по виду моего сверстника, и поручил после службы с ним познако-

миться. Тот оказался студентом филфака МГУ, а спустя время поступил в семинарию, стал монахом. Наблюдая издали его жизненный путь, я не переставал удивляться пронизательности владыки Питирима.

«Корпус быстрого реагирования»

Когда я пришел в редакцию, творческий коллектив уже был сплочен и назывался Богословский отдел. Формально это был один из разделов «Журнала Московской Патриархии». Но для сотрудников отдела, возглавляемых тогда игуменом Иннокентием (Просвирниным; †1994), работа над статьями для журнала была лишь небольшим эпизодом. Велась общая работа над корпусом житийных справок в агиографической части «Настольной книги священнослужителя», над двенадцатитомной Минеей, включавшей службы русским святым, в том числе вновь написанные, житийные справки, прориси.

Кроме того, каждый из сотрудников вел собственные проекты. Диакон Леонид Емельянов (ныне архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон) готовил комментированное издание всенощного бдения и Литургии и многое другое. Николай Моисеев (ныне епископ Брянский и Севский Феофи-

В редакции журнала в Новодевичьем монастыре. 1971–1981 гг.

С владыками (слева направо) Киприаном (Зерновым), Никодимом (Ротовым), Алексием (Ридигером). 1961–1963 гг.

С митр. Никодимом (Ротовым), еп. Филаретом (Вахромеевым), прот. Алексием Остаповым, еп. Ювением (Поярковым). 1965–1971 гг.

С прот. Алексием Остаповым, еп. Филаретом (Вахромеевым), еп. Ювением (Поярковым), митр. Никодимом (Ротовым). 1965–1971 гг.

лакт) занимался русской историей как археограф, библиограф, историк. Александр Трубачев (ныне архимандрит Андроник) был занят наследием религиозного философа священномученика Павла Флоренского, своего деда, а также агиографическими и литургическими исследованиями. Василий Строганов (ныне протоиерей) изучал лингвистические аспекты патристических текстов. В.А. Никитин мог провести журналистское расследование по любой церковной теме. Кто-то из руководящих в то время сотрудников отдела (кажется, это был ответственный секретарь Е.А. Карманов) в шутку называл нашу творческую группу «корпусом быстрого реагирования».

Дислоцировался «корпус» в подходящем месте. Архитектурная доминанта Успенского храма в Новодевичьем — это четверик нарышкинского барокко с девятью окнами, возвышающийся над обширной трапезной частью. Мало кто из прихожан задумывается, как в него попасть. Не думал об этом и я, пока меня не подвели к неприметной двери слева при входе в просторный притвор Успенского храма. Куда она может вести, если по другую сторону стены — уже храмовое пространство? Передо мной приоткрылись средневековые тайны. Сразу за дверью — крутые ступени винтовой лестницы,

запрятанной строителями в мощной храмовой стене. Лестница ведет в чердачное помещение. Далее в четверик, в верхний храм святой великомученицы Екатерины, можно было попасть только по неровному дощатому настилу.

В этом храме, о существовании которого мало кто знает, и располагался богословский отдел. Под высоким светлым куполом стояли рабочие столы, а пространство было разделено высокими шкафами. С резным иконостасом и живописью XVIII века контрастировали аппараты для чтения микрофильмов и микрофиш, выдававшие приверженность обитавших там сотрудников к самым современным на тот момент методам хранения и обработки информации.

Сравнение с элитным военным подразделением не было случайным. Когда я был рекрутирован в «корпус», перед ним стояла оперативная задача подготовки к празднованию 600-летия Куликовской битвы. Юбилей 1980 года для патриотически настроенной интеллигенции стал поводом возвращения не только забытых имен, но и выпавших в советское время культурных и исторических пластов. Общество с трудом возвращалось к пониманию роли Церкви в формировании нации. Помимо текущей работы над журналом и другими большими проектами

сотрудники Богословского отдела собирали библиографию и материал для спецвыпуска ЖМП, писали статьи, участвовали в конференциях, литературных встречах, организации выставок и других мероприятиях, посвященных юбилею.

Юбилей сменялись калейдоскопически, пока не началась подготовка к 1000-летию Крещения Руси. А в юбилейном, 1988 году произошло настоящее чудо, когда в одночасье коммунистическая страна вдруг повернулась лицом к Церкви.

«Дух Волоколамска»

Международная деятельность Русской Православной Церкви в 60–80-х годах — особая тема. Нам, узкому кругу его помощников, владыка говорил прямо, что чем больше о нас знают «там», тем меньше опасность, что в один прекрасный момент власти здесь нас «закроют». Советская идеологическая машина в то время была втянута в соревнование с Западом во всем, в том числе и в вопросах свободы совести. Владыка не переправлял свои рукописи на Запад, как это делали диссиденты, он просто показывал иностранным гостям переполненные храмы в Москве. Атеистические власти сами не замечали, как для них всё, что увидели иностранцы, становилось «священной

коровой», это уже нельзя было просто так ликвидировать.

Возил гостей владыка обычно и в Волоколамск, в свой, как он объяснял иностранцам, «диоцез». С Волоколамском у него были самые теплые душевные связи. Он с нежностью относился к простым прихожанам двух волоколамских храмов и еще трех сельских, входивших в его благочиние. В обращениях к ним с амвона нередко прорывалось что-то напоминающее признание в любви.

Дух Волоколамска — это больше, чем впечатление иностранцев. Сам владыка всегда с особым душевным трепетом произносил слово «Волоколамск». То ли это его отношение повлияло на нас, его иподиаконов, то ли существует какая-то неповторимо строгая и величественная волоколамская атмосфера. Во всяком случае она передалась и нам, часто сопровождавшим владыку. В Волоколамске он становился другим. На пару суток освобождался от бесконечных посетителей и редакционных дел, с которыми к нему постоянно обращались сотрудники, и погружался в неспешный ритм церковных служб, хотя чемодан с текущими бумагами всё же оставался с ним.

Владыка и подчиненные

Воспитание владыки не позволяло ему ни с кем обращаться началь-

ственно-жестко. Но он понимал, что для пользы дела подчиненные должны знать о его строгости. Немного избретательности, артистизма, и о его предпасхальной воспитательной профилактике стали слагаться легенды. Всё было рассчитано, прежде всего время перед Пасхой, чтобы в сам светлый праздник наказанных вновь обласкавать и наградить. С изумлением наблюдал я однажды, как владыка отчитывал незадачливого чтеца, который оборвал молитву перед причащением на полупhrase. «Кому служишь? Господу Богу служишь! Красоту-то наводишь, усы подкручиваешь? — архиерей вдруг стал похож на мальчишку из хорошей семьи, изображающего уличного хулигана. Чтец не был молодым и носил благообразную бородку. — Сбрей бороду к Пасхе!»

Когда же на пасхальной заутрене чтец предстал перед архиереем с непривычно выбритым лицом, то тут же был награжден владыкой правом ношения орария. Главное же, он получил неофициальное право покупать на складе редакции Библию, сколько ему было нужно (каждый экземпляр тогда отпускался строго под личную подпись владыки). Это было самое дорогое, что мог дать председатель Издательского отдела во время господства государственного атеизма. В условиях тоталь-

ных ограничений Церкви со стороны государства десятитысячный тираж Библии, на выпуск которого владыка добился разрешения в 1968 году, для Русской Церкви был каплей в море. В последующие 15–20 лет переизданий не предвиделось. Вот и приходилось столь экономно расходовать таявший на глазах запас Библий.

«Кузница кадров»

Издательский отдел Патриархата, который возглавлял владыка Питирим, был единственным на всю Русскую Церковь, и поэтому всё творческое и интересное проходило через него. Как только в его орбиту попадал какой-то неординарный человек, у владыки включался педагогический «инстинкт». В считанные минуты секретарь по телефону собирала всех досягаемых в тот момент иподиаконов-студентов, чтобы они подключились к беседе. Владыка представлял нам то седовласого священника, развивавшего самобытные религиозно-философские концепции, то специалиста по арамейскому языку из Института востоковедения. Как-то владыка собрал нас послушать особую манеру чтения Шестопсалмия, которой владел очередной его гость — старый московский интеллигент. Нередко после первой встречи следовал цикл занятий,

например древнегреческим языком с университетскими преподавателями или техникой речи с пожилым актером Малого театра А.В. Виноградовым.

Как-то после службы владыка попросил всех приехать в Новодевичий. Когда мы вошли в его кабинет, он беседовал с женщиной средних лет, рядом с которой сидел мальчик лет четырнадцати, ее сын. Владыка прервал разговор и из небольшой книги зачитал нам короткую миниатюру, похожую на стихи в прозе. Белый стих передавал восторг автора, замкнутого в кольцо океанического горизонта. Невольно и естественно созерцание морской синевы переходило в молитву, ею миниатюра и завершалась. Книга в синеголубой мягкой обложке выглядела совсем новой, то есть изданной советским издательством, и мы порадовались, что «такое» смогло пройти через госцензуру. Шел 1979 год, еще долгое десятилетие суждено было господствовать государственному атеизму.

После паузы, которую потребовал прочитанный текст, владыка представил нам его автора, женщину, сидевшую рядом, писательницу Валерию Анатольевну Алфееву. С нею иподиаконская группа более полугодом постигала искусство создания художественных образов. А чуть позже были годы плодотворного сотрудничества с нею над «Пастырской энциклопедией» — так владыка называл «Настольную книгу священнослужителя», сознавая, что восемь толстенных томов держать на столе никто не будет.

А Гриша, сын Валерии Анатольевны, через пару лет стал чтецом храма Воскресения Слоущего и сам влился в число владыкиных иподиаконов. На том первом занятии с писательницей Алфеевой среди слушателей оказались четыре будущих архиерея. Это архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон, епископ Красногорский Иринарх, епископ Брянский и Севский

Феофилакт. И кто бы мог тогда подумать, что самый младший из присутствовавших, Гриша, через три десятка лет займет архиерейскую кафедру владыки Питирима с титулом митрополита Волоколамского. Через иподиаконскую школу владыки прошло немало известных сегодня людей, таких как протоиерей Всеволод Чаплин и архимандрит Тихон (Шевкунов), а также благочинные, настоятели, преподаватели и много просто добрых пастырей.

«Несоветский» руководитель

В 70–80-е годы Церковь иногда называли «внутренней заграницей». Этим подчеркивалось, что ее дискриминация со стороны атеистического

С митр. Крутицким и Коломенским Серафимом (Никитиным), еп. Хризостомом (Мартышкиным), митр. Алексием (Ридигером), митр. Никодимом (Ротовым), Святейшим Патриархом Пименом, митр. Филаретом (Денисенко). 1972–1978 гг.

государства иногда всё же оборачивалась преимуществами. Только в Церкви оставалось место для частной, никем не запланированной инициативы.

Владыка Питирим максимально использовал все имевшиеся у него возможности. Советскому командному стилю управления он противопоставлял другой, органичный для самой природы Церкви. В первую очередь это, конечно, относится к профильной деятельности, то есть к интеллектуальному труду. Правда, лично мне первые месяцы работы в «Журнале Московской Патриархии» показались мучи-

тельным испытанием, пока я не понял, что от меня требуется. Ведь мой предшествующий опыт — срочная служба в армии и учеба в семинарии — не особо располагал к личной инициативе.

В отделе проповеди мне объяснили лишь график прохождения материалов. Портфель отдела, хотя и казался пухлым, был заполнен балластом, в нем не было ярких впечатляющих материалов. Никаких указаний, как сделать отдел живым и интересным, я не получил. Ничего не оставалось, как самому записывать на магнитофон проповеди академических профессоров и монахов Троице-Сергиевой лавры, заказывать их священникам нового предперестроечного поколения. Появилась идея все оставшиеся после верстки

пустые места заполнять афоризмами святых отцов. Это серьезно меняло облик журнала, и владыка на редсовете испытующе спросил: «Сможем ли мы выдержать до конца?» Мой ответ: «До какого конца, владыка?» — он, видимо, счел богословским, и инициатива была принята.

Ни редакторов, ни прочих творческих сотрудников, которых в новом здании на Погодинке появилось немало, никто не знакомил с их функциональными обязанностями. Работу они находили сами и столько, сколько никто бы из них не осилил, если бы поручение

было спущено сверху. Управленческий стиль владыки был эффективным, но всё же содержал риск. Срабатывал он лишь при правильном подборе кадров, чем, собственно, владыка Питирим постоянно был озабочен. Новых сотрудников он оценивал не только по результатам, но и по их «жадности» к работе. Если сотрудник был безынициативен или его инициатива не укладывалась в церковные рамки, это открывалось быстро — вновь принятый сам видел, что не отвечает ожиданиям, и уходил.

Новое здание на Погодинке

Оглядываясь назад, владыка Питирим не раз подмечал, что график строительства, сдачи и заселения нового здания Издательского отдела в 1981 году был столь сжатым, что специально выбирать дату для его освящения и торжественного открытия не приходилось. Единственно приемлемым днем оказалось 22 сентября, когда Русская Церковь празднует память преподобного Иосифа Волоцкого, главного покровителя Волоколамска, кафедрального города владыки Питирима. Совпадение знаменательное, и владыка, больше не раздумывая, освятил домовый храм Издательского отдела в честь преподобного Иосифа. С тех пор вся жизнь издательства развернулась вокруг храма. Ежедневно по средам сотрудники в иерейском сане совершали в нем Литургию. Сразу же появился свой хор, в основном из сотрудниц. Для каждого, кто в тот день только открывал тяжелую парадную дверь, тонкий запах ладана уже с порога возвещал о жизни иной, божественной и преизбыточествующей.

По словам самого митрополита Питирима, когда он заступил на пост председателя Издательского отдела, в нем было 20 сотрудников, а когда оставил его, в нем было 173 сотрудника и более 300 внештатников. Серьезных

болезней роста Издательскому отделу удалось избежать, хотя привычка к «ручному» управлению семейного типа у владыки осталась. Лично он принимал решение в основном по издательским и кадровым вопросам, хотя через заместителей (а их бывало и до полдесятка) держал руку на пульсе всех дел. Первым заместителем он назначил архимандрита Тихона (Емельянова), до монашества — диакон Леонид (ныне архиепископ Новосибирский и Бердский). Из-за занятости владыки и его частых поездок за границу у исполнителей порой возникали простои. Ответственным сотрудникам иногда требовалось приложить немало усилий, чтобы получить нужное административное решение владыки и выдержать тесный издательский график.

Издательская деятельность кипела в основном вокруг «Журнала Московской Патриархии». Его главным редактором владыка Питирим был почти 33 года. Правда, с середины 80-х годов он практически не касался журнала, переложив текущую работу на ответственного секретаря и двух контрольных редакторов. После переезда на Погодинку до 1985 года ответственным секретарем был В.П. Овсянников, а затем профессор МДА К.М. Комаров (†2010). Контрольными редакторами в то время были П.В. Уржумцев и А.Г. Чулюкина. Кроме того, окончательно подготовленный номер прочитывал еще и ответственный секретарь Отдела внешних церковных связей А.С. Буевский (†2009). И только после этого номер посылали на цензуру в Совет по делам религий при Совете министров СССР. Разумеется, слово «цензура» в то время опасались даже произносить — официально в Советском Союзе цензуры не было. После такой многоступенчатой самоцензуры в ней не было необходимости. Даже напрягая память, я не могу припомнить и пару случаев, когда Совет по делам религий «зарубил» ка-

кой-то материал. Правда, в редакцию пришел, когда владыка Питирим уже сумел наладить личный контакт с ответственными сотрудниками совета.

Работу над журналом обеспечивали еще два подразделения, созданные на Погодинке: справочно-библиографический отдел (заведующий — Н.В. Погребняк, позже протоиерей Николай) и отдел аналитической проверки (Е.С. Сперанская). А машинописное и корректорское бюро переехали из Новодевичьего. С ними перебрался и производственный отдел, готовивший технический макет и напрямую работавший с типографиями. За этот участок работы отвечали И.А. Минаков (†1995), отдавший Издательскому отделу сорок лет жизни, и А.Г. Парменов. С 1971 года выпуск журнала на английском языке осуществляла еще одна отдельная редакция (заведующая — Т.А. Волгина). Немного в стороне от издательской суеты оставался отдел переводов (протоиерей Василий Строганов), служивший своеобразным информационным агентством. За ежегодный выпуск церковного календаря отвечал календарно-литургический отдел (П.В. Уржумцев).

В начале 90-х выпускающие сотрудники были поделены между редакцией непериодических изданий и журнальной редакцией.

Продолжение
в следующем номере

СПРАВКА

Протоиерей Михаил Дронов — с 1980 по 1990 г. сотрудник редакции «Журнала Московской Патриархии», с 1984 г. заведующий отделом «Проповедь» (ЖМП). С 1998 г. клирик

Берлинской епархии Русской Православной Церкви, настоятель общины Свт. Николая во Фрейбурге, Брейсгау.